

Социально-политические процессы рубежа XX—XXI вв. и проблема межкультурного диалога

Элина Усовская

В статье рассматриваются две основных реалии социально-политического развития постиндустриальной цивилизации рубежа XX—XXI вв. — интеграция и дезинтеграция. Выражением первой является глобализация и мондиализация, выражением второй — национально-культурная локализация и дифференциация. Динамика данных процессов определяется в ракурсе исследования проблемы межкультурного диалога. Конструктивный равноправный диалог между культурами и этносами полагается в качестве механизма недопущения конфликтов и войн.

Отличительными чертами современного социально-культурного, политического, экономического развития являются интеграционные процессы, выражающиеся в явлениях глобализации, интернационализации, мондиализации, и дезинтеграционные тенденции, репрезентирующиеся в национально-культурной и политической дифференциации. Данные процессы происходят одновременно, параллельно, дополняя друг друга, в то же время нередко вступая в противоречие, столкновение.

Первая черта обусловлена рядом факторов и причин, в числе которых следует назвать глобализацию, экономическую модернизацию, информатизацию и виртуализацию, феномен омагсовления сознания и культуры, появление достаточно специфического типа мышления, культуры, получивших название мозаичной.

Глобализация признается реальностью, охватывающей не только экономику или политическую сферу, но и ценностно-культурное пространство человеческой цивилизации рубежа XX—XXI вв., хотя ее сущность и содержание определены недостаточно четко [3, с. 189]. Феномен глобализации рассматривается с точки зрения различных подходов и чаще всего как тенденция мировой истории, имеющая циклический характер (1); в качестве этапа развития Западной цивилизации, экстраполирующей выработанную техногенную модель генезиса и функционирования на другие регионы земного шара (2); а также как процесс формирования общего для различных культурных и цивилизационных форм фундамента развития, основанного на универсальных для человечества ценностях (3). Наиболее приемлемой оказывается третья трактовка, которая может быть обозначена как мегатенденция к «объединению человечества, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных (т. е. культурно и политически связанных) целостностей» [4, с. 6]. Подобное понимание глобализации не означает унификации национальных культур, или размывания их идентичности (хотя такая угроза вполне реальна): предполагается позитивное, основанное на диалоге, межкультурное взаимодействие, создание совместных механизмов социокультурного, политического, экономического бытия, включающих социально-исторический опыт различных национально-этнических образований.

Понятие мозаичного мышления, введенное в научный оборот французским ученым А. Молем, характеризует в целом Западную культуру второй половины XX в. Его появление связано с небывалым развитием информационной инфраструктуры, к сменой типа коммуникации, означающего переход от причинно-следственных связей, логики взаимодействия центра и периферии, межпоколенной и так называемой формационной преемственности к культуре поверхностей и ассоциаций [6, с. 350—353].

Линейная логика необратимого времени здесь сменяется полилинейностью; прошлое приобретает характер реального настоящего. Понимание времени как явления обратимого позволяет рассматривать бытие человека и культуры в виде глобальной сетки, ячейки которой не имеют четких границ, а прошлое и настоящее перетекают друг в друга, образуют синтез или симбиоз как основу для будущего. Рассматриваемый в данном ракурсе тип мышления открывает широкие возможности для жизненного выбора как личности, так и моделей политического, культурного развития. В то же время черты культуры и мышления рубежа столетий указывают на явную тенденцию доминирования массового, стандартизированного сознания, на унификацию культурно-цивилизационного разнообразия.

Данную особенность выделяли еще Х. Ортега-и-Гассет и К. Ясперс, а во второй половине XX в. постструктуралистские, постмодернистские авторы — Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр. Так, по мнению Ж. Бодрийяра, масса представляет собой не социальное явление, а состояние, выступает «...характеристикой нашей современности — как явление в высшей степени импозивное, не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией, а может быть и вообще любой практикой и любой теорией» [2, с. 187]. Самым определенным для характеристики массы является ее неопределенность, ибо масса не обладает «ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией». Она ни к чему и никому не отсылает — не обладает социологической реальностью.

Сущность человека сводится к акту существования, к удовлетворению потребностей, которые искусно продуцируются властью, подстегивая массу изобретать все новые виды потребностей. Сам мир видится как механизм, аппарат обеспечения существования, принуждающий человека ему служить.

Достаточно нелицеприятные оценки массовой культуры и массы как феноменов, способствующих нивелированию индивидуальности и приводящих к социально-культурной, экономической унификации, однако, не отменяют значимости и социально-культурного смысла массовой культуры. Она обуславливает доступность различных сфер жизни общества, образования в том числе, вырабатывает общезначимые ценности и нормы уровня жизни.

Информатизация социально-политического, культурного и экономического пространства обеспечивает целостность различных регионов человеческой цивилизации, доступность ценностно-символических, духовных благ, росту понимания между социальными, культурными общностями, способствует мобильности как культурной, так и социальной. В данном отношении явление мондиализации рассматривается как определенная закономерность общей тенденции интернационализации и единства планетарной цивилизации. В связи с этим мондиализация должна расцениваться не как явление, идентичное унификации и стиранию этнокультурной идентичности, но как формирование единого ценностного, прежде всего нормативно-правового коммуникативного поля.

Вторая черта, национально-культурная дифференциация, вызвана сменой форм идеологического противостояния, появлением новых государств, активизацией так называемых малых национальных культур, индигенизацией, ростом национального самосознания и потребностью в четкой национальной самоидентификации. Как указывает С. Хантингтон, актуальной проблемой человеческой цивилизации становится столкновение цивилизаций, противостояние которых обусловлено, прежде всего, этно-культурными и религиозными причинами. На первый план сегодня выдвигаются не столько метаидеологические противоречия, экономические различия как источники противостояния, сколько культурно-цивилизационные конфликты: «Объединения с общими идеологическими установками или сплотившиеся вокруг сверхдержав уходят со сцены, уступая место новым союзам, сплотившимся на основе общности культуры или цивилизации. Политические границы все чаще корректируются, чтобы совпасть с культурными: этническими, религиозными и цивилизационными. Культурные сообщества приходят на смену блокам времен «холодной войны», и линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике» [8, с. 185].

Меняется и понимание концепта «цивилизация»: оно смещается в сторону принципа «язык и культура», что означает отход от географической составляющей. Цивилизация рассматривается как «собрание культурных характеристик и феноменов» (Бродель). Подобное понимание цивилизации обостряет проблему бытия так называемых малых национальных культур, ставит вопрос об их цивилизационной идентичности, о многообразии форм и путей развития огромного количества культур, в том числе и традиционных. Рубеж XX—XXI вв., осо-

бенно 1990-е гг. обострил проблему национально-культурной идентичности, связанной с распадом глобальных политических систем, возникновением новых государств. Вопросы: «кто мы такие?» и «куда мы идем?» оказались актуальными для многих стран, в том числе и для Германии, России, Канады, Японии, государств бывшей Югославии, Беларуси и многих других. Поиск национальных форм развития в русле сложившейся одно- или биполярной политической и экономической модели развития мира продемонстрировал ее несостоятельность. В то же время следует отметить сложность и противоречивость процессов включения «новых» государств и культур в глобальную сеть постиндустриального информационного общества. Отмеченная противоречивость определяется неоднозначностью идентификационной стратегии — выбора принадлежности к определенному типу цивилизации, или культуры. Критерием подобного выбора являются религия (исламский тип цивилизации, христианская культура и т. д.), тип социально-экономического развития (путь модернизации, вестернизации, традиционный путь), региональный принцип с присущими ему ценностно-смысловыми, социально-экономическими стратегиями (западно-европейская, американская, российская модели и т. д.). Очевидно, что инкорпорация новых или переживающих возрождение культур в мировое пространство будет производить или уже производит собственные варианты экономической, политической жизнедеятельности, соединяющей новоевропейские техногенные установки с ментально-ценностными парадигмами данных культур. Такую синтетическую модель предложила в частности Япония; пути симбиоза традиционно-культурных конструктов и индустриально-постиндустриальных элементов придерживается Индия.

Последний год продемонстрировал общую значимость для различных стран Запада и Востока, Севера и Юга нерешенных экономических проблем, поиска путей преодоления финансового экономического кризиса. Очевидно, что собственно культурные, национальные противоречия рассматривать вне политико-экономических реалий не целесообразно. В связи с этим одной из насущных задач социально-политического и культурного бытия цивилизации является корреляция, оптимизация означенных процессов, которая предполагает диалог как форму межкультурной и политической коммуникации.

Диалог есть процесс взаимодействия культурных систем (явлений), в результате которого каждая культура осознает и обретает свою индивидуальную самобытность. Согласно М. М. Бахтину, культура «есть там, где есть две (как минимум) культуры, ...самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [цит. по: 1, с. 85]. Культура рождается вследствие диалога, являясь универсальным принципом, который организует мышление человека, обеспечивает саморазвитие культуры, воспроизводство личности, способ-

ность к коммуникации. Все исторические и культурные явления в результате выступают продуктом общения, взаимодействий, следствием взаимоотношений с самим собой, социумом, с универсумом, культурами.

Самосознание культуры осуществляется в режиме взаимодействия с культурами различных этносов, наций, личностей; иначе культура не способна понять собственную самобытность, ответить на вопрос, что она собой представляет. Как отмечает В. Лекторский, «в действительности каждая культура, ценностная и познавательная система не только вступает в борьбу с другой системой, но так или иначе пытается учесть опыт другой системы, расширяя тем самым горизонт своего собственного опыта. Это факт истории культуры и истории познания» [5].

Итак, любая культура в той или иной степени является результатом диалога, осуществляемого на разных уровнях.

В качестве *первого уровня* следует выделить взаимодействие между культурой титульной нации и иными этнонациональными культурами. Применительно к Беларуси (впрочем, как и к культурам многих стран) это объясняет ее многонациональный состав и поликонфессиональность: генезис и развитие белорусской культуры включали ценностно-символические системы польской, русской, еврейской, литовской, татарской и других культур, сумевших сохранить собственную идентичность в границах Беларуси, вплетаясь в общий каркас единого социокультурного пространства, одновременно создавая целостность и полифонию культуры Беларуси. Умение находить точки соприкосновения, рождая общее коммуникативное поле нередко в ситуации сложной исторической полемики, а то и открытого противостояния, привело к появлению одной из ключевых характеристик белорусов как толерантной нации. В данном случае терпимость, толерантность, рассматривается не только как позиция уважения к опыту и модели жизнедеятельности нетитульного этноса-нации, но и как следствие, критическое отношение титульной культуры к себе самой.

Второй уровень сосредоточен на коммуникации между культурами в масштабе межгосударственного, трансграничного ареала. Данная форма межкультурного взаимодействия далеко неоднозначна, ее результатом может стать как аккультурация, приводящая к взаимному обогащению парадигм вступающих в контакт культур, так поглощение, ассимиляция, потеря самостоятельности одной из них. Так, Япония начала XX в. и межвоенного периода выбрала стратегию милитаристского противостояния Западу, сменив ее после Второй мировой войны на либерализацию экономических и политических структур без разрушения традиционных национально-культурных основ. Как указывает В. Г. Федотова, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизиро-

вались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию [7, с. 18]. Диалог, заимствование технических, научных инноваций Западной цивилизации японской культурой не привел к нивелированию ее содержания и границ.

Для Беларуси данный диалог был всегда важен: подвижность границ, мощность политического и социально-культурного влияния польской, затем русской культур, ассимиляция «верхнего» социального слоя (имеется в виду средняя и крупная шляхта), в тоже время взаимообогащение, явная сложность национальной самоидентификации привела как к позитивным результатам и диалогу по содержанию, так и к негативным последствиям.

Третий — так называемый внутренний диалог, осуществляемый в виде рефлексивной коммуникации «настоящее — прошлое — будущее», предполагает взаимодействие «настоящих» (современных) национальных культур с пластами, культурными текстами прошлого с непосредственной проекцией будущего и рефлексией над прошлым.

Как указывалось, рубеж XX—XXI вв. был отмечен серьезными переменами и потрясениями. Для Беларуси, Украины, Прибалтики и других бывших территорий СССР, ряда стран Восточной Европы животрепещущим стал поиск путей и способов национального самоопределения. Обращение к национальным корням был вызван, с одной стороны, потребностью в определении черт самобытности, идентичности, с другой — осмыслением ситуации настоящего. Рефлексия над прошлым выявилась в формировании парадигмы национальной идеи, репрезентации ментально-архетипичных образов в искусстве и литературе, научных исследованиях и т. п. Обращение к единому пространству общего прошлого послужило источником формирования совместного фундамента для ряда наций, в том числе и немецкой, оказавшейся расколотой на «осси» и «весси».

Для белорусской культуры потребность в национальной идентификации всегда была значимой. Крах советской системы ее еще больше обострил, что вылилось в создание достаточно мощного национального общественно-политического движения. Эту ситуацию можно обозначить как проблему выбора, выбора политического, экономического, социального пути развития, выбора идеологии, общего направления в русле тезы «Восток — Запад — собственный путь», который невозможно было предстать вне ретроспективного исторического контекста. Апелляция к концепту Национального возрождения рубежа XIX—XX вв., как и символизация эпохи Великого княжества Литовского, стали источником поиска национально-духовных основ национального суверенитета.

Современные реалии межкультурного, межгосударственного взаимодействия актуализируют, таким образом, значимость конструктивного диалога. Его основой, как нам представляется, может стать соблюдение следующих условий:

— признание самоценности каждой культуры;

— исключение одно- и биполярности развития человеческой цивилизации;

— создание собственных национально-этнических моделей социально-экономического и политического бытия при их корреляции с общечеловеческими нормами, ценностями и принципами жизнедеятельности.

Данные условия отражают общие установки диалогически направленных отношений, т. е. таких отношений, которые предусматривают позиции межкультурного равноправия, понимания и творчества. Так называемая диалогическая модель межгосударственных, межкультурных взаимодействий становится противовесом их манипулятивной, авторитарной, конформистской или дифференциальной формам.

Тенденции и реалии выделения и государственного оформления ряда национальных культур, развитие сравнительно-культурных исследований, выявление индивидуального ценностного (этологического) корпуса различных культур доказали несостоятельность сведения этнокультурного разнообразия к общей линейной модели развития истории или к так называемому западному варианту. Как нецелесообразен западнцентристский подход к пониманию «незападных» культур, так и несостоятелен «оксидентализм». Как отмечает Ю. Д. Гранин,

«"Белые мифологии" ничуть не лучше "желтых", а "востокоцентризм" и "азиациентризм" не лучше "евро"- и "западно"-центризм. ... "Центр" и "периферия" постоянно менялись местами, и история человечества, даже в Евразии, никогда не была "улицей с односторонним движением", неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития» [4, с. 10].

Каждая культура обладает индивидуальным видением и способом бытия в природной и социальной среде. Механическая экстраполяция «наших» представлений, ценностей в поле «чужой» культуры ничего положительного не дает. При признании единого культурного континуума, говорить о специфике, «лице» национальной культуры можно тогда, когда ее ценностная парадигма выявлена, определена, понята и включена в глобальный контекст. Культура осознает и «опознает» себя во взаимодействии с другими культурами, сопоставляет себя с общепринятыми в человеческом сообществе ценностями, представлениями о должном, при этом сохраняя самобытное, присущее только ей. Формирование диалогического разума (В. С. Библер) как условия бытия человеческой цивилизации представляет собой одну из наиболее приемлемых возможностей предотвращения конфликтов и «столкновения цивилизаций».

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер, В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура / В. С. Библер. — М.: Прогресс, 1991. — 176 с.
2. Бодрийяр, Ж. Фантомы современности / Ж. Бодрийяр // Призрак толпы. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 186—270.
3. Глобализация и столкновение идентичностей. — М., 2003.
4. Гранин, Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация»? / Ю. Д. Гранин // Вопросы философии. — 2008. — № 2. — С. 3—15.
5. Лекторский, В. О толерантности, плюрализме и критицизме / В. О. Лекторский // Философия, наука, цивилизация. — М., 1999. — С. 284—292.
6. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. — М.: Прогресс, 1973. — 408 с.
7. Федотова, В. Г. Мир культур против культуры мира / В. Г. Федотова // Свободная мысль. — 2003. — № 8. — С. 32—41.
8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.

«Social and Political Developments at the Turn of the XX Century and the Problem of Crosscultural Dialogue» (Elena Usovskaya)

Two main fundamentals of social-political development of the postindustrial civilization at the turn of the XX—XXI centuries — integration and disintegration — are reviewed in the article. Globalization and mondialization are manifestations of the former, national cultural localization and differentiation are manifestations of the latter. Dynamics of these processes are defined in the aspect of studies of the problems of crosscultural dialogue. Equal, constructive dialogue among cultures and peoples is considered as a mechanism of prevention of conflicts and wars.